

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 113**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 113 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 230 с.

ISBN 978-5-458-04761-6

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04761-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Забытый мыслитель.

(Жизнь и сочиненія Юлія Банзена.)

Anders als sonst in Menschenköpfen
malt sich in diesem Kopf die Welt.

Слова Гартмана о Банзенѣ ¹⁾.

I.

Имя Юлія Банзена почти совершенно неизвѣстно русскому читателю. На Западѣ произведенія этого мыслителя (умершаго въ 1881 г.) до сихъ поръ знакомы также только узкому кругу специалистовъ—историковъ философіи; но и въ этомъ кругу міровоззрѣніе Банзена далеко еще не нашло заслуженной оцѣнки. Банзена обыкновенно зачисляютъ въ ученики Шопенгауэра и называютъ его философію причудливой и даже патологической формой крайняго индивидуализма. Между тѣмъ забытый мыслитель не только „ученикъ“, но и представитель *своеобразнаго* міровоззрѣнія, философъ совершенно оригинальный и „единственный въ своемъ родѣ“, знакомство съ которымъ можетъ „нѣчто дать“ всякому интеллигентному ищущему человѣку. Банзенъ не холодный „объективный“ мыслитель: „во всемъ, что онъ писалъ, выразилъ онъ себя, какъ *цѣлаю* *человѣка*, свою мысль и чувство, духъ и сердце, разумъ и всю душу“. Поэтому интересъ къ произведеніямъ Банзена тѣсно связанъ съ интересомъ къ его личности и жизни. „Если кто-нибудь возьметъ въ руки книгу Банзена, возможно лишь одно изъ двухъ:

¹⁾ «Въ этой головѣ міръ отражается иначе. чѣмъ въ другихъ человѣческихъ головахъ».

или весь обликъ и способъ выраженій этого въ полномъ смыслѣ слова оригинальнаго мыслителя оттолкнетъ читателя такъ, что второй разъ онъ добровольно къ книгѣ не вернется, или такъ привлечетъ и захватитъ, что въ читателѣ пробудится человѣческое участіе къ личности и индивидуальности автора, выходящее за предѣлы чисто-философскаго интереса“¹⁾.

Таковъ отзывъ біографа и отчасти поклонника Банзена; но вотъ что пишетъ его рѣзкій принципіальный противникъ Э. фонъ-Гартманъ. „Юлій Банзень вполнѣ оригинальный философъ... Талантъ отвлеченнаго мышленія, съ любовью погружающійся въ самыя темныя глубины головы и сердца, и роскошно разросшаяся фантазія, которая иногда грозитъ затопить (*verschütten*) діалектическія разсужденія богатствомъ образовъ, соединились въ немъ, чтобы создать совершенно необычное явленіе. Творчество и мышленіе Банзена напоены благородной, сердечной кровью нѣмецкаго идеализма... Банзень—единственный самобытный талантъ школы Шопенгауэра... Банзень *въ первый разъ въ исторіи философіи* выступаетъ въ серьезъ съ міровоззрѣніемъ индивидуалистическаго плюрализма, одинаково враждебнаго теизму и материализму“²⁾. Въ послѣднихъ словахъ указана одна изъ особенностей философіи Банзена. Міровоззрѣніе, которое пытается расширить индивидуализмъ до космическаго принципа, т.-е. представить весь міръ, какъ живое взаимодействие индивидуальностей, не объединенныхъ никакимъ выше ихъ стоящимъ началомъ, безусловно заслуживаетъ самостоятельнаго мѣста и широкой извѣстности. Но всякій, кто хоть разъ открылъ книгу Банзена, увидитъ, что этимъ его оригинальность не исчерпывается. Читателя поражаетъ яркая и смѣлая защита познавательной цѣнности непосредственнаго воспріятія, этической индивидуализмъ, нигдѣ не

¹⁾ И эта, и предшествующая цитаты заимствованы изъ введенія R. Louis'a къ автобіографіи Банзена, о которой рѣчь впереди.

²⁾ Hartmann. Neukantianismus, Schopenhaueranismus und Hegelianismus, S. 11—14; 64.

переходящій въ эгоизмъ, страстная жажда правды и оригинальное соединеніе безпросвѣтнаго пессимизма съ гимномъ борьбѣ „трагическаго героя“ за недостижимый идеаль. Не важно, принимаемъ ли мы ученіе Банзена или отвергаемъ его. Цѣнна не столь „система“, какъ личность. Всякая личность, непохожая на „меня“, можетъ внести нѣчто новое и цѣнное въ „мое“ міровоззрѣніе ¹⁾. И когда читатель узнаетъ, что этотъ человѣкъ ни при жизни, ни послѣ смерти не нашель признанія, что онъ умеръ въ глухомъ померанскомъ городишкѣ, что его личная жизнь была полна неудачъ, а книги не разъ доводили издателей до банкротства, невольно возникаетъ желаніе разгадать и „пережить“ эту жизнь и обратить на нее вниманіе другихъ. Маленькой попыткой такого рода и является настоящая статья.

Главнымъ моимъ источникомъ въ первой половинѣ статьи служить автобіографія Банзена, изданная въ 1905 году Рудольфомъ Луисомъ, съ присоединеніемъ отрывковъ неизданныхъ произведеній Банзена и превосходнымъ введеніемъ, дополняющимъ фактическую сторону и оцѣнивающимъ значеніе Банзена. Выводы мои во многомъ совпали съ оцѣнкой Луиса, почему я выше и цитироваль это введеніе. Автобіографія эта, озаглавленная: „Какъ я становился тѣмъ, чѣмъ я сталъ“, поражаетъ соединеніемъ живого паѳоса съ поразительной точностью и послѣдовательностью самоанализа. Во второй половинѣ статьи я излагаю міровоззрѣніе Банзена на основаніи непосредственнаго знакомства съ его произведеніями и въ заключеніе пытаюсь дать свою критическую оцѣнку ²⁾.

¹⁾ См. Louis (стр. XLIX и LXXVII «введенія»).

²⁾ Въ настоящей статьѣ я употребляю слѣдующія сокращенія, цитирую главнѣйшія работы Банзена:

1. *Beiträge zur Charakterologie* mit besonderer Berücksichtigung pädagogischer Fragen. 2 B. Leipzig, Brockhaus, 1867.—B. 2. Ch.

2. *Zum Verhältniss zwischen Wille und Motiv*. Lauenburg in Pommern. P. Eschenbagen. 1870.—Z. V.

3. *Zur Kritik des Kriticismus*. Philos. Monatshefte, V. (1871).

4. *Andeutungen über die Arten des Seins*. Philos. Monatshefte, VI. (1871).

5. *Zur Philosophie der Geschichte*. Eine kritische Beleuchtung des Hegel-Hart-

Литература о Банзенѣ крайне скудна. Кромѣ вышеупомянутой книги Гартмана, мы имѣемъ отзывы его же въ „*Philosophische Fragen der Gegenwart*“ и во второмъ томѣ „*Geschichte der Metaphysik*“, затѣмъ рядъ случайныхъ рецензій и отзывовъ Иоганна Фолькельта (единственного философа „по званію“, симпатизировавшаго Банзену) и статью А. Бурдо объ эстетикѣ Банзена („*Le tragique comme la loi du monde d'après Bahnsen*“. *Revue Philos.* V). Изъ нашихъ соотечественниковъ упоминаетъ о Банзенѣ П. В. Мокиевскій въ своей книгѣ „Цѣнность жизни“. Спб. 1884 г., приводя лишь краткій очеркъ его ученія и вида „въ лицѣ Банзена крайнее развитіе шопенгауэровскаго пессимизма“. Въ послѣднее же время обратилъ на Банзена вниманіе И. И. Лапшинъ. Въ диссертациі его „Законы мышленія и формы познанія“ есть характеристика Банзена, какъ раздвоенной натуры и ирраціональнаго метафизика. Въ книгѣ „Проблема чужого я“ разбору воззрѣній Банзена удѣлено самостоятельное мѣсто. Подъ вліяніемъ этихъ отзывовъ заинтересовался Банзеномъ и авторъ этихъ строкъ ¹⁾.

mannschen Evolutionismus aus Schopenhauerschen Principien. Berlin. C. Duncker, 1872.—*Z. Ph. d. G.*

6. *Das Tragische als Weltgesetz und der Humor als aesthetische Gestalt des Metaphysischen*. Eine Monographie aus Grenzgebiete der Realdialektik. Lauenburg in Pommern. F. Ferley. 1877.—*Tr. u. H.*

7. *Der Widerspruch im Wissen und Wesen der Welt*. Princip und Einzelbe-währung der Realdialektik. 2 B. Leipzig. Th. Grieben (F. Fernau). 1880—1882.—*W.*

8. *Wie ich wurde was ich ward* nebst anderen Stücken aus dem Nachlass, hrsg. v. Rudolph Louis. München und Leipzig bei Georg Müller. 1905. Кромѣ автобіографіи (I) здѣсь помѣщены: II. Im Banne des Rätselhaften. III. Der subjective und objective Nihilismus. IV. Zur Verständigung über den heutigen Pessimismus. V. Charakterzüge aus Schakespeare's Frauenwelt (напеч. при жизни Банзена въ журналѣ «Litteratur»). VI. Charakterographische Skizzen (первый изъ нихъ «Die Neutralen in der Philosophie» тоже напечатанъ въ «Litteratur»). VII. Стихотворенія.

Эту книгу я цитирую буквою «L» съ указаніемъ отдѣловъ. Болѣе полная библиографія книгъ и статей Банзена дана въ этой же книгѣ (стр. XXVIII—XXX), къ которой слѣдуетъ прежде всего обратиться желающимъ подробнѣе познакомиться съ забытымъ мыслителемъ.

¹⁾ Приношу искреннюю благодарность И. И. Лапшину, который много помогъ мнѣ своими совѣтами и указаніями.

II.

Юлій-Фридрихъ-Августъ Банзень (Bahusen) родился 30 марта 1830 года въ городкѣ Тондернѣ, въ Шлезвигѣ. Отецъ его былъ директоромъ учительской семинаріи, и вообще „въ родѣ“ существовала традиція учительской дѣятельности. Мать Юлія Банзена умерла очень рано; образъ покойницы былъ возсозданъ мечтательнымъ мальчикомъ, какъ просвѣтленное выраженіе духа ласки и любви, и этотъ идеализированный образъ не исчезъ изъ его души даже послѣ знакомства съ истиннымъ (менѣе привлекательнымъ) обликомъ, по старымъ письмамъ. Подобное поклоненіе образу своей фантазіи очень характерно для Банзена: въ душѣ его постоянно жила тяга къ лучшему, и мечтанія часто давали ему силу для борьбы съ тяжелыми впечатлѣніями дѣйствительности. Банзень говоритъ, что собственно „золотого дѣтства“ у него не было. Отецъ женился во второй разъ, мачеха и старшая сестра деспотически обращались съ остальными дѣтьми; въ мальчикѣ рано выработалась „упругость“ (Elasticität, Spannkraft) въ борьбѣ съ семейной обстановкой. Нелюдимый, внѣшне „огрызающійся“, замкнутый, онъ все время тосковалъ по хорошей семейной жизни. Отецъ, самъ не ладившій съ мачехой, старался облегчить жизнь сына своимъ тепло-разумнымъ участіемъ и наблюдалъ за его воспитаніемъ. Самъ педагогъ по призванію, ярый борецъ за свѣтскую школу и противникъ казарменныхъ интернатовъ прусскаго образца, Христіанъ Банзень былъ, повидимому, далеко недюжиннъ мѣ человѣкомъ. Типичный свободомыслящій лютеранинъ, онъ былъ проникнутъ сознаніемъ долга въ лучшемъ смыслѣ этого слова. „Моя должность—для меня самое лучшее убѣжище отъ страданій и горя прочей жизни“, говорилъ онъ. Ни въ ученикахъ, ни въ сынѣ не подавлялъ этотъ человѣкъ индивидуальности, а давалъ ей свободно развиваться; педагогическія идеи Юлія Банзена развились подъ прямымъ вліяніемъ отца. Къ сожалѣнію, желаніе познать

индивидуальность сына привело отца къ неудачнымъ „экспериментамъ“. Онъ часто мѣнялъ методы преподаванія, что придавало всему первоначальному воспитанію нашего философа безпорядочный характеръ. Ю. Банзенъ даже увѣряетъ, что подъ вліяніемъ этихъ неудачъ отцовской педагогики у него зародилась идея о неизмѣняемости нѣкоторыхъ прирожденныхъ основъ характера (*Immodificabilitätslehre*).

Въ 1844 году Банзенъ поступилъ въ гимназію въ Шлезвигѣ. Мальчикъ развился очень рано; предпочиталъ серьезное чтеніе романамъ и увлекался греческими трагедіями. Къ математикѣ онъ съ дѣтства не чувствовалъ расположенія; ему скучна была стройно-замкнутая, но далекая отъ пестраго многообразія жизни система аксіомъ и теоремъ. По той же причинѣ не удовлетворила его и школьная, формальная логика. Среда молодежи въ Тондернѣ и Шлезвигѣ была довольно распушена: „я рано вкусилъ отъ древа познанія во *всѣхъ* смыслахъ“ (*L., S. 18*). Но слиться вполнѣ съ этой средой Банзенъ не могъ; его тянуло къ книгѣ; физическая слабость дѣлала его часто жертвой насмѣшекъ, а идеализація людей приводила къ разочарованіямъ ¹⁾. Но въ средѣ товарищей Банзенъ почерпнулъ массу матеріала для своей наблюдательности; въ отдѣльныхъ спорахъ, импровизаціяхъ и декламаціяхъ развился его *ораторскій* талантъ, которымъ, кстати сказать, онъ былъ одаренъ гораздо болѣе, чѣмъ писательскимъ. Свойственная Банзену тяга къ правдѣ (*Wahrheitsbedürfnis*) часто толкала его „вмѣшиваться не въ свое дѣло“ и побуждала къ разнымъ „выступленіямъ“, не всегда благополучно оканчивавшимся. Между тѣмъ приближался 48 годъ. Появилась и въ Тондернѣ „политика“ въ видѣ читальни-клуба и карикатуръ. Раціоналистически-демократическій, а главное рѣзко индивидуалистическій духъ отца и его товарищей учителей

¹⁾ Трогательнъ рассказъ Банзена о дѣтской любви его къ дѣвочкѣ-горбуньѣ; тайна этой любви была выдана «лучшимъ другомъ», и бѣдный романтикъ жестоко осмѣянъ товарищами.

уже подготовилъ Банзена къ воспріятію радикальныхъ идей Руге и Фейербаха. Получая первое религіозное обученіе, Банзенъ гораздо больше интересовался еретиками, чѣмъ догмой. Но въ движеніи 48 года Банзена захватила только религіозно-критическая, а не политико-соціальная сторона, хотя, между прочимъ, онъ подвергалъ себя голоданію, желая страдать вмѣстѣ съ „меньшей братіей“, и въ послѣдовательномъ проведеніи своего идейнаго радикализма часто сталкивался съ традиціями окружающихъ и даже съ отцомъ. Но Банзенъ уже тогда былъ не простой „отрицатель“, утверждающій свое новое на мѣсто стараго, а нигилистъ и пессимистъ до глубины души. Вотъ его замѣчательное признаніе (L. 20).

„10 марта 1847 года, когда я задумавшись сидѣлъ въ моей маленькой темной комнаткѣ, возлѣ печки, передъ моимъ сознаніемъ во внезапной интуиціи выступила нигилистическая основная мысль всѣхъ моихъ позднѣйшихъ воззрѣній“, т.-е. мысль о безцѣльности и бессмысленности всего человеческого существованія... Да, я могу сказать по совѣсти: уже семнадцатилѣтнимъ юнцомъ я прошелъ заранѣе черезъ все то, что долженъ былъ понять одиннадцатію мѣсяцами позже изъ хода міровыхъ событій въ Парижѣ... „Я покончилъ съ міромъ (fertig mit der Welt)“. Съ этого дня Банзенъ считаетъ зародившейся свою философію, впоследствии только преобразованную и развитую подъ вліяніемъ Шопенгауэра ¹⁾). Разумѣется, къ этому показанію слѣдуетъ отнести осторожно. Во-первыхъ, пессимизмъ не исчерпываетъ философіи Банзена; есть въ ней и другіе мотивы. Во-вторыхъ, отчаяніе, охватившее Банзена 10 марта 1847 г., не осталось столь сильнымъ на всю жизнь. Тогда онъ прямо смотрѣлъ на всю остальную жизнь, какъ „на срокъ въ ожиданіи висѣлицы“ и сильно мечталъ о самоубійствѣ. Харак-

¹⁾ Статья „Der subjective und objective Nihilismus“, написанная 10 марта 1872 года (Louis, 157—162), носитъ въ рукописи подзаголовокъ: eine selbstverfasste Jubiläum—(nicht Jubel)—Schrift.

терно его признаніе, что кромѣ любви къ отцу остановила его мысль о будущемъ счастья въ любви къ женщинѣ ¹⁾.

Осенью 1848 года Банзенъ поступилъ въ Кильскій университетъ, но въ слѣдующемъ году оставилъ книги и взялся за ружье. Вспыхнула война герцогствъ Шлезвига и Голштиніи съ Даніей. Сначала Пруссія поддержала шлезвигцевъ, но потомъ они были оставлены союзниками и потерпѣли полное пораженіе. Было задѣто не только мѣстное патріотическое чувство Банзена, но и мечта объ единствѣ германскаго союза. Къ 50-тымъ годамъ ясно обозначилась тенденція Пруссіи расширять *свою* власть, а не помогать равноправному союзу, о которомъ мечтали идеалисты 1848 года. Въ Банзенѣ стройно сочетались „партикуляризмъ“ шлезвигъ-голштинца (любовь къ національнымъ обычаямъ и вообще къ родному сѣверу) и ясное пониманіе необходимости единой германской культуры и ея превосходства надъ датской (по послѣднему вопросу онъ разошелся съ отцомъ). Но мечта о Германіи, какъ единствѣ культурномъ, сдѣлала Банзена жестокимъ врагомъ „имперіи крови и желѣза“. Казарменная дисциплина была ему ненавистна. „Лучшимъ она не нужна, а худшихъ она не исправляетъ“, между тѣмъ „лучшіе не выносятъ и гибнуть“ ²⁾.

Отчасти тяготясь грустными впечатлѣніями на побѣжденной родинѣ, отчасти желая стать ближе въ центръ общегерманской культуры, Банзенъ, по окончаніи войны, отправился продолжать свое университетское образованіе уже не въ Киль, а въ Тюбингенъ. Годы, проведенные здѣсь, онъ справедливо считаетъ лучшими въ своей жизни. Онъ получилъ возможность жить въ научной атмосферѣ, которая наиболѣе подходила къ его требовательной натурѣ.

¹⁾ „Dem Pagen Athenens winkte noch Aphrodite“. Какъ увидимъ, „Афродита“ дала Банзену лишь нѣсколько ясныхъ лѣтъ, но отчаяніе не возобновлялось въ столь рѣзкой формѣ.

²⁾ Любопытно, что скандинавъ Ибсенъ, стоявшій въ голштинскомъ вопросѣ на другой точкѣ зрѣнія, вполне сходится съ Банзеномъ въ ненависти къ Пруссіи и имперіи Бисмарка.

Здѣсь окрѣпло и сложилось философское міровоззрѣніе Банзена, который познакомился съ ученіями нѣмецких идеалистовъ начала XIX вѣка. Въ Фихте привлекалъ Банзена его индивидуализмъ, въ Шеллингѣ ученіе объ интуиціи, въ Гегелѣ, конечно, „всеразрушающая“ діалектика, уже знакомая Банзену изъ сочиненій гегельянской „лѣвой“. Эстетикъ Фишеръ (гегельянецъ) оказалъ вліяніе на ученіе Банзена о трагической красотѣ и научилъ его понимать Шекспира. Однако, ко всему выслушиваемому на университетскихъ лекціяхъ Банзень относился критически; записи лекцій были у него всегда испещрены „примѣчаніями“ и возраженіями. Слѣпое преклоненіе большинства тюрингенскихъ студентовъ передъ „авторитетами“ отчуждало Банзена отъ товарищей. Въ области теоретической философіи Банзень уже тогда началъ склоняться къ реализму (отчасти подъ вліяніемъ прочно его увлекшаго матеріализма). Въ 1853 году Банзень представилъ диссертацию: „Опытъ генетическаго расчлененія ученія о трехъ основныхъ эстетическихъ формахъ на основаніи естественно-научной психологіи“. Диссертация эта не сохранилась; мы имѣемъ лишь отзывъ Фишера, въ общемъ хвалебный, но осуждающій „рѣзкость красокъ“ и жесткій тонъ полемики. Повидимому, уже въ этой диссертациі обнаружился непримиримый и наступательный характеръ философіи Банзена; она была „не ко двору“ для мирно созерцательныхъ Akademiker'овъ. Степень доктора философіи была все же получена, и открывалась надежда на профессуру. Въ ближайшемъ будущемъ, однако, надо было искать заработка. Около года Банзень провелъ на домашнемъ урокѣ, гдѣ ему приходилось работать „за одну прислугу“ (Mädchen für Alles). Въ 1854 году онъ съѣздилъ въ Лондонъ, сопровождая, какъ переводчикъ, своего отца, изучавшаго англійскія учебныя заведенія¹⁾. Затѣмъ онъ былъ учителемъ прогимназіи въ Альтонѣ и до-

1) „Между прочимъ, я былъ и въ мировомъ центрѣ, но до конца дней прожилъ въ отдаленнѣйшемъ захолустѣ“,—горько говоритъ Банзень по поводу этой поѣздки.

машнымъ учителемъ у купца Меллера въ Гамбургѣ, гдѣ познакомился со своей будущей женой. Въ поискахъ заработка и постоянного мѣстожителства Банзену вообще пришлось порядочно поскитаться; особенно потому, что онъ, какъ „обиженный“ Пруссіей патріотъ, долго не хотѣлъ поступать на прусскую службу, а средневѣковые порядки маленькихъ нѣмецкихъ государствъ затрудняли пріобрѣтеніе полныхъ гражданскихъ правъ „иностранцемъ“ — шлезвигцемъ. Въ 1856 году Банзень познакомился лично съ Шопенгауэромъ. Имя его онъ уже слышалъ отъ тюбингенскихъ профессоровъ и сочиненія читалъ съ увлеченіемъ, покупая ихъ изъ послѣднихъ грошей учительскаго заработка. Банзень на всю жизнь сохранилъ преданность имени „учителя“ и даже относился къ его памяти съ религіознымъ благоговѣніемъ. Уже 12 августа 1877 года, когда Банзень „далеко не могъ считаться ученикомъ, а развѣ лишь продолжателемъ и завершителемъ Шопенгауэра“, написано имъ трогательное стихотвореніе „На могилѣ Шопенгауэра“ (An Schopenhauers Grab, см. L. VII, стр. 269), которое начинается такъ:

«Es ist ein Sonntagmorgen;
Zur Kirche wallfahrtet der Christ,
Ich aber such', wo geborgen
Meines Meisters Leichnam ist.
Es wäñnen all die Frommen,
Wir seien der Treue bar,
Ich aber bin hergekommen
Zu zeigen, dass das nicht wahr» ¹⁾).

Первое время Банзень увѣровалъ въ проповѣдуемый Шопенгауэромъ аскетизмъ, какъ средство „искупленія“ міра, но мысль, что всѣ аскеты переживали новыя „паденія“, мѣшала ему увѣровать въ достижимость идеальнаго умерщвленія.

¹⁾ „Сегодня воскресное утро; христіанинъ идетъ въ церковь, а я ищу мѣсто, гдѣ скоронено тѣло моего учителя. Всѣ святоши воображаютъ, что мы лишены чувства преданности, но я пришелъ сюда, чтобы показать, что это неправда“.